

Любовь измеряется мерой прощения,
привязанность – болью прощания.
(Владимир Леви)

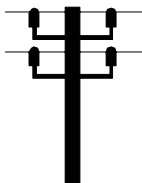
Осень '2001

№8

**Imperare sibi
maximum
imperium est**

Падал белый снег. Зелёные ветви под тяжестью снега пригнулись к земле. Она вернулась мыслями к своей жизни, прошлой жизни, с ним, но до “сегодня”. Мир не разделился на “до” и “после”. Просто всегда есть два мира. Один мир ушел, в другом она жила. Пальцы нащупали мышку, и по экрану заскользил текст, графики, таблицы. Работа сделана. Анализ развития фирмы был составлен. Она скопировала его ещё на две дискеты и подошла к телефону. Пальцы непроизвольно набрали пять знакомых цифр. Шестую она не набрала. А даже, если бы и сделала это, услышала бы незнакомый голос. Зачем тревожить других людей, людей, живущих, возможно, счастливо, возможно, почти?.. Она уже несколько лет жила в другом городе, но никак не могла привыкнуть к тому, что надо набирать код.

Она принялась набирать длинный ряд цифр, но звонок в дверь оборвал это бесполезное занятие. Пришел Макс. Старый друг всех тех лет, что она прожила здесь. Он принес новые документы и журналы. Она поблагодарила, хотя не могла понять, зачем ему это было надо. Они привычно рассмеялись, и она пригласила его остаться на чашку чая. Он привычно отказался. Сказал, что ещё зайдет. Часы пробили начало

нового отрезка времени. Ледига лежала у ног, преданно ёрзая шерстью о ноги хозяйки. Боже милостивый, ещё один такой час, и она начнёт выть.

Вечерело. Стемнело за окном. Снег медленно начинал таять, и почему-то странно потеплело. Она поднялась с постели и подошла к окну. Бездонная ночь сейчас опуститься на город с десятиллионным населением.

На экране телевизора кто-то кому-то опять признается в чем-то. Она подошла к телевизору, и постояв с минуту, отключила. Комната осветилась темнотой.

Она почувствовала себя как на темной дороге, не видела направления. Сделав несколько шагов, она споткнулась и почти упала.

Слёзы брызнули из глаз. Она плакала, и, плача, пошла на ощупь. Она узнала, куда шла. Она теперь уже знала, что делать. Она подошла к телефону и набрала номер. Она боялась ошибиться. Знала, что если ошиблась, то больше этого не сделает. Длинные секунды быстро прошли. Раз, два, три...

Что-то щелкнуло. Она услышала его голос. Она закричала, закричала, чтобы он услышал её. И он ей ответил: “Пожалуйста, говори чуть громче. Я рад тебя слышать”.

Боль прощания

Листва, деревья, укоренелая
тоска сжимает грудь. Да, осень.
Она во всем слепа, во всем глупа,
зачем так быстро лето прогнала?
Ведь летом были счастливы. И
сколько нужно было нам, всего
два дня?

А так, спросила у огня: “Пора?”
– Уже пора, давно сжигают
сучья.

Немного пошали, ну и что?
Ведь ты такой же юной, молодой
была как я!? Ну, подожди, хотя бы
считанные дни! Но нет, на то Она
тверда, на то Она горда своей
безмозглостью, своим упорством.
Бесчувственна и ленива, и даже
чутьку ревнива, – пригреться
захотелось у костра. Понятно, вот
в чем была наша ошибка. Она не
зла, она эгоистична.

Когда я смотрю на небо –
сжимается сердце.
Только сейчас понимаешь,
что это то, о чём ты давным-давно мечтал
каждую ночь, с появлением первой звезды...

Я люблю этот Город,
это Время.

Как ненавидела ранее всё это расстояние,
которое отрывало меня от родного,
спокойного, всегда любимого
и самого лучшего.

Я жила только
единственными
воспоминаниями
о волшебном, полном обыденном,
но поистине чудесном.
Неважно с кем, но странно,
помню всё до мелочей, словно нарочно
пытаюсь запомнить и унести с собой
в далекую “серую массу”.
Долго искала ответ – провести иль
снести параллель? переплыть,
приспособиться? броситься в бездну?
Неба глоток, каплю души – всё на мгновенье
забыть, бросить в ночи...
Огонёк белой весны
опрокинет громкое имя в тиши.
Нет, никуда
не смогу я уйти (уйти от судьбы?).
Каждая бровка, аллея к реке, морской ветерок
вдыхают желанной тоской Песнь Богов, Песнь
Души – Белые Ночи.
Не оставить всё наслаждение.
Муки любви не сравнить с
этим счастьем, Песней струны –
женщины-Ночи.
„Испить всё до дна...” – шепчет заманчиво
пленнику Жажда.

Татьяна Пампукей.

Диалог

– Знаешь, опять идет снег.
– Да.
– Может, это последний снег в году?
– Конечно.
– Ведь по календарю уже давно весна.
– Может, календарь ничего не значит.
– Может быть. А то бы давно была весна, правда?
– Да, и мы бы уехали.
– Я так хочу уехать!
– Я тоже.
– Но опять пошел снег.
– Да
– Я ненавижу этот снег!
– Да, мы не можем уехать.
– А когда снег перестанет идти, мы уедем?
– Нет.
– Почему?
– Он должен еще растаять.
– О, как я ненавижу этот снег!
– Да, из-за него мы не можем уехать...
– А ты помнишь, как мы радовались, когда пошел первый снег?
– Да, но мы не знали, что все это так затянется.
– Ты прав: все это слишком затянулось.
– Ты не собираешься лечь?
– Помнишь, как мы встречали Новый год?
– Да. Мы вдвоем очень выпили, и у нас ничего не получилось ночью.
– Нет, ты не помнишь: тогда опять пошел снег. Слушай, почему он нас все время преследует?
– Иди сюда, приляг...
– Что мы ему плохого сделали? Мы просто любим друг друга. Разве это преступление?
– Конечно, нет.
– Тогда почему он запер нас здесь? Что мы ему сделали?.. Почему ты молчишь?

Я сказала глупость? Ты меня больше не любишь?
– Люблю.
– Как хорошо, что ты мне говоришь это. Говори почаще, ладно?
– Я тебя люблю.
– Ты очень добрый. Слушай, а если бы не было зимы?
– Нет. Зима для того, чтоб потом была весна.
– Если б не было зимы, весны не было б?
– Нет.
– Жаль. Хорошо бы всегда была весна.
– И лето.
– Да, и еще осень. Я очень люблю осень, потому что потом бывает весна.
– Ты хотела сказать “зима”?
– Нет.
– Ладно. Иди сюда. Ты не устала стоять там, у окна?
– А все же снег это тоже красиво.
– Да, но мы не можем уехать.
– Я ненавижу снег!
– Ты это уже говорила.
– Он очень красивый, особенно ночью, и я его ненавижу. Смешно, правда?
– Ты замерзнешь...
– Слушай, почему бы и тебе не подойти к окну и не посмотреть, как идет снег?
– Я предпочитаю лежать в постели, так теплее. А ты скоро замерзнешь.
– Нет. Я должна стоять здесь. Он очень красивый и, наверное, знает об этом, но если я все время буду твердить, что я ненавижу его, он перестанет идти.
– По-моему, ты сходишь с ума.
– А почему не сходишь с ума ты? Тебе что, нравится, что снова идет снег? Да? В таком случае, знай, что ты – предатель, ты предал меня!
– Прошу тебя, не сходи с ума.

– Нет, я хочу сойти с ума, потому что ты ничего не делаешь для того, чтоб снег перестал идти и наступила весна.

– О, господи!...

– Почему ты сидишь, сложа руки? Ты что, сдался? Не выдержал и сдался? Но это ведь не честно! Надо делать все, чтоб скорее наступила весна... ПОСЛУШАЙ! П О С Л У Ш А Й! !! Сейчас же встань и иди сюда! Вот так! Сдался он, видите ли!.. А теперь обними меня. Так. И ответь, только честно, ладно? Когда наступит весна? Отвечай сразу!..

– Завтра.

– Ты это знаешь наверняка?

– Да.

– Но ведь теперь-то идет снег.

– Это последний снег, а завтра будет весна.

– Завтра будет весна... Скажи еще, что ты меня любишь.

– Я тебя люблю.

– Знаешь, а снег это все же очень красиво.

– Ладно, пошли спать.

– Пошли.

– Спи спокойно.

– А ты не ложишься?

– Нет. Я погляжу еще, как идет снег.

– Спокойной ночи, милый.

– Спокойной ночи. Передай, пожалуйста сигареты. Спасибо. А теперь спи.

– Я уже сплю, милый. А ты ляжешь скоро?

– Да.

Он вышел на балкон. Воздух был чистым и пахнул снегом. Шел снег. Он шел всю ночь, не переставая. Снег шел и все утро, и он не знал, разбудить ее, или не стоит.

СНЕГ... ПЕЧАЛЬ?

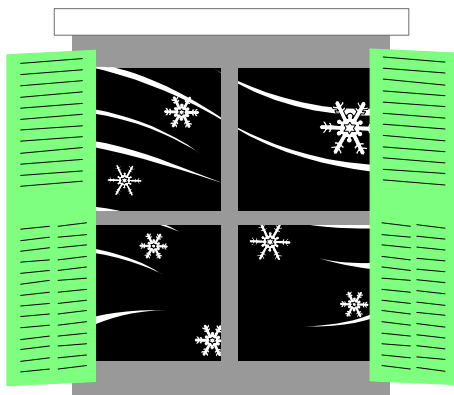
Снег приходит внезапно... мягкими и пушистыми хлопьями опускается на землю медленно-медленно, боясь испуганных глаз ребенка. Он так привык к тому, что когда он ложится нам на ресницы, мы его не трогаем, а наоборот – хотим почувствовать всю красоту тяжести... Но почему мы не любим это прекрасное создание?! Ведь то, что он нам приносит с Небес, совсем не простые

дары, а каждый раз иные, ниспосланные Тем, Кто в своих деяниях показывает свою большую любовь к нам, людям. А может, это и есть самый драгоценный дар?..

Нет, я вас понять не могу. Откуда столько ненависти, которая в скором времени прев-

ратится в большую глыбу льда, а весной тает. Нет прощенья тому, кто весной не тает, а поздней осенью свою тень не превращает в ту глыбу.

Я так молю прощенья у Тебя за эту глыбу черствости, за то, что я отгоняла огонь. Да, навсегда. И только дар любви, попавший через снег, способен растопить и ваш лед, уничтожить тени! Так, заклинаю Вас, Вы слышите? Не убивайте ту Надежду, которая еще на свет вас родила, а сейчас боится брошенной остаться навсегда.

Ночная электричка

Стук... Стук... Стук... Стучат капли дождя по дрожащему побитому стеклу. Стук... Стук... Стук... Стучат на стыках рельсов колёса. Стук... Стук... Стук... Последние удары сердца всё ещё чувствуются и выплёскивают кровь наружу через открытую рану. Рану души и рану тела.

Мне уже не страшно. Я не боюсь страха. Я не боюсь смерти. Мне всё-равно. Я знаю, что так нужно.

Дождь врывается в рваное окно и больно бьёт по лицу и телу. Я знаю, что так нужно.

Я никогда не ездила на поездах. У нас их просто не существует. Это же смешно ездить на муравьях, когда в мире существуют быстроходные лайнеры.

Вот я уже и мыслю по-земному. Почему так произошло, почему я трансформировалась и возродилась в этой бедной девочке? Почему я так смешала себя и ЕЁ? Почему эта жизнь и эти мысли, этот разум стал моим?

Но мне всё-равно. Я знаю, что так нужно.

Анализ показал, что сильное восприятие чувств и пережитых страданий людей определяет наше отношение, существо, действия. Это отражается на нашей коже – она меняется цветом. Они говорят, что их греческие боги тоже переживали за людей. Но мы же не сказки и мифы, мы же выше реальности...

Почему у НЕЁ было столько добра и любви? Почему я постоянно светилась испепеляющим, дарящим, тёплым светом? Почему ОНА была такая сильная?

В моём районе, даже в соседних районах наблюдений не было такого потенциала у нескольких десятков человек вместе взятых...

Я растворилась в НЕЙ, ОНА поглотила меня с моего позволения, с моего желания. Ни я, изучая ЕЁ, изменила жизнь, а ОНА.

... Меня не надо жалеть. Мне хорошо. Просто постарайтесь понять меня. Ведь я же стараюсь...

И я захотела ЕЁ понять. Это легко и просто беззаботно бегать, просто любить, ждать долгой встречи годами, добиваться всего добротой.

Я растаяла в НЕЙ. И поэтому ОНА сейчас умирает, а моё тело в НЕЙ.

Капли дождя смешались с кровью и оставляют следы на балках железной дороги и белом снегу. Я не могла иначе. Я должна была ЕЁ почувствовать.

ОНА была красивой, стройной, умной, наивной, беспомощной, глупой, принципиальной... ОНА была.

С каждым метром, с каждой каплей, с каждым стуком уходила жизнь, переживался прожитый этап и стирался из моего сознания.

Я получу новое задание. Я буду изучать новых существ. И никогда не позволю, как и раньше, понимать их. Потому что не забуду ЕЁ...

Первая встреча... Я увидела и почувствовала боль. Это было сильнее меня. Кричала вокруг вся вселенная – БОЛЬ. Боль, которую ОНА переживала не могла выдержать я – существо высшего разума, иного мира, вечное. Но ОНА жила и дарила добро. ОНА всегда его дарила. Несла добро и боль и страх. Свой постоянный страх. Надежда со временем убила страх – мужчина.

Не просто мужик для физической радости, а МУЖЧИНА. Я не наблюдала за ним – не мои частицы составляли его тело. Я наблюдала ЕЁ и видела как ОНА им живёт...

Доброта была всегда... Даже когда ЕЁ устраивали тестирование высшего уровня. Т.В.У. – стандартная процедура, которой подвергается каждый из нас, кто хочет стать Наблюдателем. Я его прошла с третьего раза. А ОНА с первого без подготовки. Но в этом и была наша ошибка. Мы этим сломали ЕЁ. ЕЁ суть и ество не могут выдержать такие нагрузки, но ОНА жила ещё 2 года после по земным меркам.

Но мешали, конечно, и местные условия – жизнь на Земле. Дополнительные испытания жизнью – нехватка питательных веществ, жидкости, гормонов, излучений и добра делали невозможной нормальной жизнь, превращали её в пресмыкание и полузабытьё...

...Результаты исследований этого района были плачевными. Экология! Она бы переносилась легче, если бы была доброта... Но всё выглядело как запущенная раковая опухоль... Планету решили уничтожить, если бы не баланс внутри. Почему-то это продолжалось около трёх миллионов лет по земным меркам. Решено было вести наблюдение. Каждый из Наблюдателей проникся веществом и частицами особой-землян и наблюдал их.

...Всё было бы хорошо, если бы я не поняла ЕЁ. Я сначала просто прониклась ЕЁ светом....

Первое проникновение случилось до рождения первого человека...

Красный красивый свет озарял земное небо – закат или рассвет. ЕЁ сопровождала лисица всегда и везде. Серое облако, дымчатое, голубоватое, сформировалось и появилось перед НЕЙ – первый страх, и первая угроза. Страх не за себя. Страх за окружающие горы, за живую почву, за будущее. Автоматически сработала доброта и ОНА обернула

серебряным цветом облако. Оно переродилось. Уже тогда надо было сделать вывод – ОНА нейтрализовала матриструктуру – вмешательство другого мира в благополучие ЕЁ планеты. Уже тогда я должна была проанализировать ЕЁ силу и предугадать, что проникнусь ЕЮ. Но я просто удивилась как удивляется земной ребёнок, когда видит полёт бабочки...

...В следующем важном блоке ОНА тоже уже существовала, но заменяла целый район Земли – лесного Леля, речку, деревья и мысль о благополучии и спокойствии. Лишь только лиса – прототип человечества – была рядом и существовала сама по себе. Это была радость. Невероятный потенциал смог поддерживать существование целого участка и функционировать. Почему это приносило ЕЙ радость и полёт? Этого никто из нас тогда не смог объяснить. Но сейчас я знаю – у неё не отнимали энергию – ОНА сама дарила и была в гармонии. ЕЁ не заставляли не подкарауливали, не тормозили и ЕЙ не мешали.

Другие неясные образы не выражались чётко – ОНА со временем поработалась, припадала пылью, теряла силы и знания и регрессировала...

...А потом была боль. И полностью ЕЁ уничтожила.

Тут же было принято решение ликвидировать Землю. Больше здесь нам делать было нечего. История уже была прорисована. Но что-то выплеснулось за 2 секунды до Завершения Истории. Всплеск был неопределённого происхождения – аппаратура не работала в этом направлении, а позже не смогла определить происхождения и суть всплеска. Я узнала об этом сама – почувствовала – это была память про то серое облако, про лисицу, про Леля. И это всё благодаря ему. Не смогли мы проследить связи, но это было спасением. Вот тогда я и проникла в НЕЁ.

Для НЕЁ не было противостояния. Не было явного противовеса. Мелкие антитела-противовесы только волновали ЕЁ, расстраивали, расслаивали, сбивали с курса. Все вместе противовесы и привели к этому исходу.

После такого изменения, мини стресса (для НЕЁ это мини стресс, а для других землян – смертельный) ОНА сама выплёскивала негатив. Поэтому при появлении ЕЁ боли лучшим было ликвидировать Землю, чем наблюдать ЕЁ боль, как боль захватывает всю вселенную. Сила ЕЁ настолько велика, что может также излучать и боль...

Смешалась боль, доброта и любовь – это дало новый виток жизни и новый уровень знаний. И ОНА получила все знания Вселенной. Их непригодность – для землян слишком высокий уровень, невозможность проявить себя, противовесы – антитела сделали своё дело. ОНА перешла в другое измерение. ОНА сделала свой выбор. Но теперь Земля умрёт. Земля опустела, осиротела без ЕЁ добра....

Каждый день стирается из памяти с каждой каплей крови.

ОНА была и будет лучше меня. Последняя капля упала и я поняла это. Остался только глухой стук колёс.

VIRGINE.

* * *

Мы уходим искать новые земли
в старых потертых штанах.
И ломаем дорогою юные стебли,
отмеряя в шагах
вдаль и впоперек лес и поле,
высохшую траву.
Мы найдем уголок, где нас не тронут,
где не найдут.

Но сколько же можно бежать и бежать,
и думать, и строить, и снова ломать,
и верить, и веру свою же топтать.
Сколько же можно ждать...

Мы уходим, бросая единственный дом,
где родились с тобой.
И хотя мы пойдем совсем разным путем,
мы не вернемся домой.

Но сколько же можно идти и бросать
старые города.
И на обжитых, старых местах
новые бомбы взрывать...
И сколько же можно терпеть и молчать,
и верить, хоть знаешь, что лгут.
И сколько же можно от правды бежать,
озираясь на кнут...

И вытирая слезу рукавом,
всхлипывая, бывало, вдруг:
“Стой! Подожди! Мы пойдем вдвоем,
не бросая меня, друг!”

* * *

Остекленевшим взглядом смотрит ночь...
Остекленевшим взглядом смотрит в ночь
девочка-луна.
Не ее вина, что она одна.

Лунной дорожки пыль серебрится вдаль,
может быть так и надо —
ничего не жаль.

Может быть так и нужно,
покорно и послушно светить другим,
пока мы спим.

Мы улетаем в ночь,
некому нам помочь, а она
тихо смахнет слезу,
видно ей — там внизу
с самой вершины скалы сорвалась судьба.

* * *

Она проснулась темной ночью.
Немая луна смотрела в окно.
И звезды так далеки и заманчивы.
Но стоит сделать только шаг,
и всё будет совсем иначе.
Она роняла руки в небо,
ища опору на той стороне.
Но там еще никто не был.
На той стороне.
А может, кто-то и был —
но не вернулся назад.
Его забыли, а он не забыл,
и звезды — его глаза.

Она стояла в открытом окне,
гадая, что там — на той стороне,
мечтая о сказочной далекой стране,
которой нет.

Она послала к нему любовь,
и он ответил дождем,
без лишних, ненужных слов
шептались они вдвоем.
Ночь хранила их секрет,
и никто не знал,
почему такой поздний свет
в открытом под небом окне.

Екатерина Матийченко.

Все авторские права на произведения принадлежат их авторам.
Разрешено свободное распространение в любом виде при условии
неизвлечения коммерческой выгоды.

Полное или частичное использование материалов в других печатных или
электронных изданиях разрешается только с согласия авторов.

Отклики, идеи и предложения пишите на E-mail: profs@au.ru.

Благодаря им эта газета может стать лучше и интереснее.

Internet-версия газеты: <http://banzai.ussr.to>

© & © 2001 Prince Of Silence